
К 100-ЛЕТИЮ ФЕДОРА АБРАМОВА

Елена ГАЛИМОВА

ПОЛНОТА РУССКОЙ ЖИЗНИ

Столетие со дня рождения писателя, художника, композитора неизбежно побуждает к осмыслению того, что же осталось от этого творца потомкам, чем интересно, важно, актуально его наследие новым поколениям. И если ответ на этот вопрос вызывает затруднение, то вряд ли юбилейные славословия, сколь бы щедрыми они ни были, привлекут внимание читателя, зрителя, слушателя к погружающемуся в забвение имени...

Федору Абрамову, несмотря на неуклюжие попытки некоторых критиков объявить его безнадежно соцреалистическим и устаревшим, забвение, казалось бы, не грозит: об этом, в частности, свидетельствует интерес к его творчеству кино- и театральными режиссерами. Но в то же время интерес этот зачастую кажется обращенным далеко не к самому главному из того, что оставил нам Абрамов.

Что же видится главным? Нет, не острота социальной проблематики, которая так привлекает прежде всего тех, кто никак не может перестать сводить счеты с советским периодом истории нашей страны; и не глубина и точность психологической разработки характеров; и даже не безусловная, бескомпромиссная правдивость изображения жизненных обстоятельств и человеческих судеб, делающая прозу Абрамова ценнейшим свидетельством того, что было с нами в XX веке. Главным видится то, что творчество Федора Абрамова выявляет саму суть русской национальной жизни, показывает, каковы ее основания и ее ценности.

Елена Шамильевна Галимова — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Автор монографий «Книга о Шергине» (1986), «Художественный мир Юрия Казакова» (1992), «Поэтика повествования русской прозы XX века» (2002), «Земля и небо Бориса Шергина» (2008), «Поэзия Архангельского Севера XX–XXI веков» (2013), «Поэзия пространства: образы моря, реки, леса, болота, тундры и мотив пути в Северном тексте русской литературы» (2013) и свыше 150 литературно-критических и литературоведческих статей. Почетный работник высшего профессионального образования. Живет и работает в Архангельске.

О том, что это именно так, свидетельствует эпопейная природа тетралогии «Братья и сестры» и неоконченного романа «Чистая книга».

Так ли уж важен этот разговор — о жанре главных произведений Федора Абрамова? Какая разница, что написал прозаик, — эпопею, роман, повесть?

Думаю, что важен, потому что это напрямую связано с осмыслением места Федора Абрамова в литературном процессе второй половины XX века и с сегодняшним восприятием его литературного наследия.

Известно, что эпопея — героическое повествование о прошлом, содержащее целостную картину народной жизни и представляющее в гармоническом единстве некий эпический мир героев-богатырей, — жанр древний. В XX веке, как и в XXI, произведения в жанре классической героической эпопеи появиться не могут. Можно говорить лишь об отдельных чертах, признаках эпопеи, об эпопейности тех или иных жанровых форм. При этом произведения, в которых отмечают эпопейное начало (или которые относят к жанру романа-эпопеи), получают особый статус, привлекают особое внимание, занимают особое место в национальной литературе. Почему — думаю, это станет понятно из разговора о прозе Абрамова.

Размышляя о чертах эпопейности в произведениях Федора Абрамова, мы будем иметь в виду те признаки эпопеи, которые, видоизменяясь, могут жить и в эпических произведениях новой и новейшей литературы.

Что это за черты?

Во-первых, эпопейный характер изображаемых событий, их масштабность и героика. Далеко не всякие события могут стать основой эпопеи, лишь важнейшие, переломные, судьбоносные для народа, нации, общества. Великая Отечественная война — время действия первого романа тетралогии «Братья и сестры» — как событие, безусловно, эпопейна. Именно в такой ситуации, как писал Георгий Гачев, государство оказывается «в зависимости от народа, его свободной воли», перед угрозой смерти, «перед которой обычно встает лишь смертный индивид, а государство ее избегает, тщеславясь перед лицом подданных своим бессмертием». Во время такой страшной войны, какой была Вторая мировая, угроза смерти нависает и над государством, и тогда оно «идет на поклон, обращаясь с воззванием к народу и называет своих членов уже не „граждане“ и не „подданные“, а „дорогие соотечественники“, „братья и сестры“».

«Тогда, — пишет Гачев, — перед лицом смерти... демонстрируется зависимость государства от народа, политической жизни — от трудовой, общества — от природы». Но и народ в этой ситуации «смертельной войны» видит, «что речь идет о его жизни и смерти, о том, быть ему свободным или впасть в порабощение», и что в этой ситуации государство, «при всех своих неполадках... все же дает ему возможность организовать в целое и противостоять силе» организованного врага, государства-агрессора.

Именно это мы видим и в первом романе о судьбах жителей Пекашина, и во всей тетралогии (в ретроспективных обращениях к опыту войны).

Можно сказать, что именно такое единство народа и государства было для Федора Абрамова чаемым, представлялось ему тем социальным организмом, который был наиболее жизнеспособен.

Вероятно, это важнейшая, определяющая черта мировоззрения Абрамова: он был и выразителем народной, крестьянской правды, и государственным деятелем. Характерно, что Ю. И. Дюжев, отмечая, что «художественная литература была для Ф. Абрамова государственным делом», не объясняет эту его писательскую позицию исключительно приверженностью коммунистической, советской идеологии, а подчеркивает, что «он на новом витке истории продолжал традиции литературы Северной Руси, в которой „на главном плане стоит не забава, не молодечества, а сила созидания государства или сила

религиозная». При этом с одной стороны — государственность, а с другой — народность Федора Абрамова литературовед соотносит с позициями двух его великих земляков: «Идею утверждения могущества России, жизнеспособности и нравственных сил народа Ф. Абрамов перенял от выросшего на Севере сына крестьянина Холмогорского уезда Архангельской губернии М. В. Ломоносова, а яростную защиту униженных и оскорбленных — от сосланного в декабре 1667 г. в Пустозерск... протопопа Аввакума».

В своей тетралогии Федор Абрамов пытался объединить народную и государственную позиции, народную и государственную точку зрения, народную и государственную правду. Если в произведении отражается только одна точка зрения — или народная, или государственная (которые практически никогда не совпадают, но в какие-то периоды истории могут в той или иной мере сближаться) — и нет их «сшибки», взаимодействия (и противодействия), то эпопейного масштаба показа жизни не будет. Эпопейность — всегда всеохватность. На мой взгляд, эпопейное начало во многом потому и постольку ощутимо в «Братьях и сестрах» (как и в «Тихом Доне» Михаила Шолохова), поскольку и Шолохов, и Абрамов верили в то, что советское государство — это, при всех искажениях и отступлениях, по сути своей — народное государство.

Как гражданин Федор Абрамов продолжал верить (вероятно, не без усиливающихся с годами сомнений, но во всяком случае — продолжал надеяться), что советская власть — на самом деле есть власть народа, что народ действительно призван быть хозяином на своей земле и в своей стране, что можно исправить, улучшить ситуацию и на селе, и в целом в стране, если только каждый человек будет мыслить и поступать как гражданин.

А как художник он показывал — не мог не показать, ибо сам был частью крестьянского народа, — как от года к году, от десятилетия к десятилетию все дальше расходятся интересы отдельного человека и устремления властей. И самое страшное — происходит распад самого крестьянского мира, отчуждение крестьянина от земли, разрушение дома, семьи... По сути дела, в «Доме», как и в «Прощании с Матерой» Валентина Распутина, показано — и по-своему не менее символично и провидчески — постепенное разрушение всего космоса русской крестьянской жизни.

Безусловно, важнейший признак эпопейного начала, без которого оно попросту невозможно, — это народность. Народность заложена в природе художественного метода писателя-эпика, и как эстетическая категория определяет принципы его творчества и основы его мировоззрения.

Народность вмещает в себя не только типологию художественного мышления художника, но и выбор им сюжета произведения, трактовку тех событий, которые легли в основу его творения, особенности поэтики повествования, языка. Народность означает эстетический принцип, в основе которого лежит подход к воспроизведению действительности и отбору материала, аналогичный тому, что Гегель назвал «природой особенной цели», считая, что «она осуществляется в рамках субстанционального национального целостного бытия».

О Федоре Абрамове можно с полным основанием сказать то, что Палиевский, размышляя о «Тихом Доне», сказал о Шолохове: «...народность была у него не предметом описания, но существом натуры». Если этого нет — эпопейное мирозерцание не передать.

Поэтому нет оснований говорить об эпопейной природе, например, романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». В этом произведении есть государство, есть события, касающиеся всей страны, — война, есть судьбы отдельных людей, семей, их взаимоотношения, но нет народного начала, нет народа как единства в его настоящем и историческом прошлом, нет того, что В. К. Сигов назвал «мистической связью с единым национальным целым».

Федор Абрамов в «Братьях и сестрах», как и Михаил Шолохов в «Тихом Доне», в своем видении мира выражают веками накапливавшийся духовный опыт народа. Это проявляется, в частности, и в способе организации эпического повествования. Федор Абрамов отмечал: «Мой эстетический принцип — это максимальное слияние со своим героем». Известно, что Александр Твардовский упрекал Абрамова в том, что голос автора-повествователя в его романах сливается с голосами героев, что автор нигде не «поднимается» над ними. Твардовскому не хватало «авторской речи, его суждений, сопоставлений, его, авторского, уровня мышления, наконец, его авторского языка». Но, на мой взгляд, такое слияние голосов автора и героев в единый «хор», невыделенность, необособленность авторской позиции — важнейшее свидетельство эпопейности «Братьев и сестер». Ибо в эпопее «я» становится «каждым» и посредством него входит в общее.

Можно сказать, что расхождение народного и государственного начал в жизни страны, их несовпадение стало и конфликтом «крестьянской эпопеи» Абрамова, и внутренним конфликтом самого писателя. А их чаемое слияние — это его утопический, не достижимый ни при каком государственном строе идеал.

Потому наиболее трагичны, точнее — наиболее страшны последние, а не первые книги тетралогии. И не случайно герои Абрамова говорят о том, что «никогда у них... не было столько счастья и радости, как в те далекие незабываемые дни», в военные «страшные времена». «Вспоминали, охали, обливались горячей слезой, но и дивились. Дивились себе, свои силам, дивились той праведной и святой жизни, которой они тогда жили». И секретарь райкома Новожилов, словно вторя Лизе Пряслиной и другим пекашинцам, говорил: «И такая совесть в народе пробудилась — душа у каждого насквозь просвечивает... Понимаешь, братья и сестры...» А в сытые, благополучные семидесятые годы словно сама жизнь, ее душа вытекала по капле из Пекашина.

Это же отмечают исследователи и в романе-эпопее Льва Толстого «Война и мир»: «Создалась парадоксальная ситуация: связи между людьми укреплялись при очевидной внешней опасности и ослабевали, растворяясь в суетности малых дел, война стимулировала развитие у людей лучших их качеств. Оказывалось в итоге, что на войне они жили по законам мира, а в мире — по законам войны» (В. А. Беглов).

Таким образом, эпическое начало тетралогии обусловлено не только ситуацией войны, из которой выходит победителем как советская армия, так и весь народ (и в этом отношении очень важно, что Абрамов показывает войну не на поле боя, а в тыловой деревне), но и другим не менее (если не более) страшным, хотя и не столь явным, не столь заметным переворотом: разрушением уклада быта, устоев и традиций русской деревни, разрывом связи крестьянина с землей, семьей, родом, атомизацией личностей.

Среди других эпопейных признаков тетралогии Абрамова можно назвать и черты эпического героя, явно ощутимые в Михаиле Пряслине. Это раннее сиротство, раннее же возмужание (богатырство), ответственность за семью и за всю крестьянскую общину, неразрывная связь с землей (только в деревне, только в крестьянской работе он осуществляется), невозможность уехать из Пекашина (Егорша Ставров-Суханов вполне может оставить и родную деревню, и семью, а Михаил, подобно Антею, только в неразрывной связи с землей черпает свою силу; если его оторвать от земли — погибнет). Одних только конкретных социально-психологических характеристик Михаила оказывается недостаточно для осмысления его роли и места в «крестьянской эпопее» Абрамова. Это именно эпопейный герой, который, хотя и не участвует в битвах, по сути, в годы войны на своих плечах выносит тяготы всего крестьянского мира. Это такой герой, в котором, по словам Гегеля, воплотилась нация.

Эпопейная природа «Чистой книги» тоже обусловлена и эпохой (революция, Гражданская война), и сущностью главной героини — Махоньки.

Все недоумения и споры по поводу того, что именно эта нищая старушка-сказительница стала главной героиней итогового произведения Абрамова, снимаются, если осмыслить ее именно как героиню эпопеи.

Предметом эпопеи, как отмечает М. М. Бахтин, служит национальное эпическое прошлое, а ее источником — национальное предание. Знание именно о таком эпическом прошлом несет в себе Махонька, как пишет о ней Абрамов, — «человек, который жил и сейчас, и в прошлом. Единственный в своем роде человек. Маленькая, с вехоть сама, старушонка несла в себе историю со времен Киевской Руси. И как несла! Темрюковна, Илья Муромец, Китай-город — все это было для нее живым. Соединение в одном человеке прошлого (в живых лицах) и настоящего делало ее, конечно, особенной. Она может перебраться на другие миры. Она несет в себе весь земной мир. В ней, в этой маленькой старушонке, уплотнена вся Россия. Ее история».

Героиня «Чистой книги» — образно говоря, Гомер русской жизни. Удивительно точно найденная героиня, с помощью которой можно передать главное, к чему стремится эпопея, — целостность национального мира, ту целостность, в которой Гегель видел почву и условия рождения эпопеи.

Революция и Гражданская война, безусловно, — это в высшей степени эпопейные события, поскольку в ситуациях непримиримых столкновений, призванных привести к изменению форм национальной жизни, можно говорить об эпическом состоянии мира. И то, что Марьюшка-Махонька воплощает собой всеобъемлющее, все приемлющее начало, объединяющее настоящее и прошлое, мир взрослых и мир детей, святость, праведность и скоморошество («как пчела мед собирала») делает ее словно бы не только героиней, но и «автором» «Чистой книги», замысел которой, несомненно, имел эпопейную природу. И. А. Ильин писал: «У каждого народа есть в душе таинственная, подпочвенная глубина — последний источник его творчества и его духовности. Это глубина таинственна и по происхождению своему, и по содержанию. Обычно люди не замечают ее — они просто живут ею, так, как если бы она была незримым для них воздухом их дыхания или неосозаемым, внутренне излучающимся из них светом их жизни». Эта таинственная глубина воплощена у Абрамова в образе Махоньки — мифологическом, символическом, архетипическом.

Таким образом, на наш взгляд, есть все основания говорить о том, что и тетралогия «Братья и сестры», и «Чистая книга» Федора Абрамова — произведения с отчетливо выраженным эпическим началом, определяющим в них главное: это книги не о судьбах отдельных людей и семей, не о жизни одной северной деревни, не о том или ином периоде русской истории (при том, что все это в них есть, конечно), а о том, что есть сама субстанция русской национальной жизни, каковы ее основания и ее идеалы.

Одним из признаков (совсем не научных, но убедительных) того, что «Братья и сестры» — эпопейное произведение, служит то общее впечатление, которое остается у читателя, закрывшего книгу. При всем драматизме и трагизме событий и судеб, о которых рассказывает эта книга, остается — поверх всех других чувств — ощущение света и спокойной, тихой радости. Потому что «Братья и сестры» — о всей полноте русской жизни, крестьянской по своей изначальной сути, жизни, которая при всех ее тяготах, часто — невысказанных, все же невыразимо прекрасна, до краев полна и осмысленна.

Такие книги занимают особое место в национальном сознании и живут долго.